

Оригинальная статья / Original article

Депопуляция стран Балтии в условиях европейской интеграции¹

© Н.Б. КОНДРАТЬЕВА

Кондратьева Наталья Борисовна, Институт Европы РАН (Москва, Россия), nkondratieva@inbox.ru.
ORCID: 0000-0002-8801-3126

В странах зарубежной Прибалтики, ставших донорами трудовых ресурсов для благополучных стран Европейского союза, происходит депопуляция. Показано существенное и стабильное сокращение населения Латвии, Литвы и Эстонии с конца 1980-х гг. и до сегодняшних дней в сравнении с другими догоняющими странами ЕС. Невнимание к проблеме депопуляции догоняющих стран следует трактовать как крупный просчет наднационального уровня власти ЕС и испытание для основополагающего принципа европейской интеграции – свободы передвижения людей. В числе причин устойчивости отставания в развитии стран периферии от стран ядра ЕС предлагается рассматривать существенное снижение благосостояния, вызванное депопуляцией. Отсюда вытекают причины неспособности ЕС справиться с задачей сгладить территориальные диспропорции; стимулирование экономического роста догоняющих стран требует более значительного притока капиталов и трансфертов из бюджета ЕС, так как часть их направляют на компенсацию потерь от оттока населения. Особое внимание уделено дискуссии на национальном и наднациональном уровнях о перспективах ЕС. В ней наметился поворот к постановке задач демографического перехода, который имеет основание стать еще одной движущей силой трансформации ЕС наряду с зеленым и цифровым переходом.

Ключевые слова: депопуляция, страны Балтии, Европейский союз, свобода передвижения людей, европейская интеграция, территориальные диспропорции, демографический переход, Балтийско-Скандинавский макрорегион

Цитирование: Кондратьева Н.Б. (2024) Депопуляция стран Балтии в условиях европейской интеграции // Общественные науки и современность. № 6. С. 68–82. DOI: 10.31857/S0869049924060055, EDN: JBLIYW

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Funding. The work has been carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Research topic No. FMZS-2024-0013 “Systemic Analysis of economic and political risks and opportunities of the Baltic-Scandinavian macroregion”).

Depopulation of the Baltic States in the Context of European Integration

© N. KONDRATIEVA

Natalia B. Kondratieva, Institute of Europe RAS (Moscow, Russia), nkondratieva@inbox.ru. ORCID: 0000-0002-8801-3126

Abstract. The Baltic countries, which have become donors of labor resources for the prosperous countries of the European Union, are experiencing the phenomenon of depopulation. It shows a significant and a stable decrease in the population of Latvia, Lithuania and Estonia from the late 1980s to the present day in comparison with other catching-up EU countries. The inattention to the depopulation problem of catching-up countries is interpreted as a major miscalculation of the supranational level of EU power and a test for the fundamental principle of European integration – freedom of movement of people. It is proposed to consider the loss of well-being caused by depopulation among the reasons for the steady lag in the development of the peripheral countries as compared to the core countries of the EU. Brussels is not coping with the task of smoothing territorial imbalances; stimulating the economic growth of catching-up countries requires a more significant inflow of capital and transfers from the EU Budget; part of them goes to compensate for losses from population outflow. Special attention is paid to the discussion at the national and supranational levels on the prospects of the EU. It has outlined a turn towards setting goals for demographic transition, which, taking into account depopulation, has reason to become another driving force for the transformation of the EU, along with the green and digital transition.

Keywords: depopulation, Baltic states, European Union, freedom of movement of people, European integration, territorial imbalances, demographic transition, Baltic-Scandinavian macroregion

Citation: Kondratieva N.B. (2024) Depopulation of the Baltic States in the Context of European Integration. *Obschchestvennye nauki i sovremennosti*. no 6, pp. 68–82. DOI: 10.31857/S0869049924060055, EDN: JBLIW (In Russ.)

Свободное передвижение работников – один из основополагающих принципов Европейского союза (ЕС) – было включено в интеграционный проект сразу с подписания Римских договоров 1957 г., учредивших Европейские сообщества. С тех пор так называемые мобильные граждане, то есть внутренние мигранты, востребованы на грязных, опасных и рутинных работах в секторах сельского хозяйства, строительства, добывающей и первичной обрабатывающей промышленности, транспорта, сфере обслуживания (тогда были заложены ростки депопуляции юга Италии).

Теория интеграции утверждала, что свобода передвижения приведет к устранению территориальных деформаций рынка труда, и призывала облегчать людям перемещение из стран, где нет работы, в страны, где есть нехватка рабочей силы. Отсюда в европеистике большой пласт научных исследований посвящен мерам, которые бы исключили дискриминацию мигрантов по признаку гражданства [Schmidt, Blauberger, Martinsen, 2018]. Практики же занимались в основном решением проблем «государства всеобщего благосостояния», которому грозило увеличение социальных расходов. В частности, право на свободный въезд и проживание во всех странах ЕС изначально было дано работникам государств-членов, но не населению в целом (поскольку трудящиеся способны сами себя содержать и не быть обузой принимающим странам). К 1990 гг. благодаря многочисленным решениям Суда ЕС право на свободный въезд распространилось на неработающих граждан и постоянных жителей. По Шенгенским соглашениям (1985 и 1990 гг.) упразднены проверки паспортов на внутренних границах и введены единые правила на внеш-

ней границе ЕС. Были учреждены финансовые, правовые и технические меры содействия мобильности. Так, более 35 лет действует программа студенческой мобильности Erasmus, 30 лет – европейская служба занятости EURES, предоставляющая доступ к огромному списку вакансий и обширному набору резюме мобильных работников; почти 20 лет применяется правовая норма о мобильности пенсий; наконец, пять лет назад ЕС определил права командированных работников.

Однако, феномен депопуляции государств-поставщиков людских ресурсов подвергает свободу передвижения серьезному испытанию. Интеграционная теория, по-видимому, упустила из виду проблему депопуляции, отсюда практика регулирования единого внутреннего рынка ЕС до настоящего времени бессильна найти ответ.

Цель исследования – отталкиваясь от показателей депопуляции в странах Прибалтики в условиях их членства в ЕС, осмыслить феномен как одну из причин устойчивого отставания догоняющих стран от стран, составляющих ядро ЕС, а также обозначить разворот научной дискуссии о перспективах европейской интеграции к теме демографического перехода. В числе задач работы – сделать обзор экспертных мнений о последствиях утраты населения для страны; оценить депопуляцию зарубежной Прибалтики методом описательной статистики; понять, насколько эта проблема уникальна для ЕС и компенсируют ли ее финансовые трансферты из бюджета ЕС.

Постановка проблемы

Для цели настоящего исследования предлагаем следующее определение депопуляции – это особый демографический феномен, который возникает как результат снижения рождаемости и миграционной утраты населения и имеет значительные негативные экономические последствия, вытекающие из сокращения доли людей трудоспособного возраста на национальном рынке. Невнимание теоретиков и практиков европейской интеграции к проблеме депопуляции выглядит парадоксальным.

Относительно того, почему официальные источники практически не затрагивают тему депопуляции, можно высказать несколько гипотез. Тему либо замалчивают из соображений не нанести вреда конкретным странам, либо игнорируют из-за того, что она не укладывается в интеграционную логику активизации передвижений. Вероятно также, что на начальном этапе факт исчерпаемости трудовых ресурсов был попросту упущен из виду. Переходные шести- и семилетние периоды, в течение которых Брюссель налагал на новых членов ЕС ограничения на трудовую мобильность, были обусловлены не заботой о будущем направляющих стран, а необходимостью сохранить и приумножить благополучие принимающих стран. Основные усилия интеграционной мысли были направлены на создание мер, обеспечивающих свободу передвижения (разработку правовых мер, адаптирующих рынок труда к увеличенному давлению, а также коммуникационные мероприятия, объясняющие благотворное влияние притока трудовых мигрантов и новых налоговых поступлений на экономический рост и устойчивость социальных систем).

Можно отметить также, что в официальных публикациях Европейской комиссии (исполнительного органа ЕС), свобода передвижения трудящихся и последствия демографических изменений не рассматриваются в комплексе, так как они относятся к ведению разных директоратов; первая затрагивает интересы потребителей и рынков труда, что напрямую относится к компетенции директората, регулирующего единый внутренний рынок; вторая же затрагивает вопросы сохранения территорий (директорат по региональному развитию) либо экономической активности (директорат по занятости), а также устойчивости и стратегической защищенности государств, что лишь косвенно затрагивает компетенции ЕС.

Показательна точка зрения Европейского агентства по труду ELA (European Labour Authority) и Европейской службы занятости EURES European Employment Services) на перспективы стран Балтии применительно к проблематике свободы передвижения работников по случаю 20-й годовщины расширения ЕС: в числе трудностей проблема депопуляции не названа².

Мониторинг свободы передвижения на уровне ЕС всегда фиксировал нарастающую динамику мобильности и причины, мешающие ей, с единственной целью устраниć их. Отсюда численность мобильных лиц внутри пространства единого внутреннего рынка в целом увеличивается с течением времени. В подсчет стараются включать как можно больше видов мобильности, в том числе командированных работников, студентов, членов семей (детей, следующих за своими экономически активными родителями), чтобы статистически нарастить достижения единства рынка.

Проблема депопуляции в официальных публикациях Евросоюза завуалирована статистикой возвратов с выходом людей на пенсию. Таким образом возврат населения представляет собой лишь частичное решение проблемы.

В странах исхода мобильного населения не склонны винить ЕС в депопуляции, хотя прямая связь очевидна. Акценты всегда ставили на преимуществах интеграции и свободного передвижения людей; в их числе называют снижение безработицы, повышение квалификации мобильных работников и решение проблемы бедности в том числе посредством денежных переводов. Косвенными преимуществами служат возникающие шансы расширить торговлю и предпринимательство³. Обязанные противодействовать депопуляции, власти стран-доноров трудовых ресурсов, предпочитали не квалифицировать депопуляцию как экзистенциальный риск и не предпринимали усилий по его снижению; они безусловно поддерживали свободный рациональный выбор своих граждан; интеграционная теория подсказывала им именно этот самый экономичный путь.

Противовес невниманию со стороны официального Брюсселя и отсутствию политического заказа для его мозговых центров на изучение проблемы депопуляции создает экспертиза ОЭСР и МВФ. Их документы, сигнализируют о демографических рисках и неожиданных экономических преимуществах мобильности для направляющих стран. Снижение безработицы оценивается в единицы процентов. Демографические обзоры ООН характеризуют страны Балтии и Южной Европы как регионы с самыми быстрыми темпами сокращения населения не только в ЕС, но и во всем мире⁴, призывая тем самым к учету последствий.

Существует большой интерес к демографическим проблемам догоняющих стран и депрессивных регионов ЕС со стороны науки [Олещенко 2021; Пророкович 2023; Dijk van, Brunow, Dall Schmidt 2022; Fihel, Okolski 2019; Newsham, Rowe 2023; González-Leonardo, Newsham, Rowe 2023]. На этом фоне примечательно неглубокое внимание в странах Балтии, в частности⁵, к проблеме влияния убыли населения на стратегическую стабильность

² Freedom of movement for workers and the EURES Network – the Baltic states' perspective on the occasion of the 20th anniversary of the EU enlargement in 2004. 23 may 2024 (<https://www.ela.europa.eu/en/news/freedom-movement-workers-and-eures-network-baltic-states-perspective-occasion-20th-anniversary>).

³ Müller K. (2019) The impact of the free movement of economically active citizens within the EU. European Added Value in Action. Briefing. EPRI. December. 9 p. ([https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631742/EPRS_BRI\(2019\)631742_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631742/EPRS_BRI(2019)631742_EN.pdf)).

⁴ UN Population Division (<https://www.un.org/development/desa/pd/>).

⁵ The causes and consequences of depopulation. Wittgenstein Centre Conference 2021 Vienna, Austria, 29.11.–01.12.2021. (<https://www.oeaw.ac.at/vid/events/calendar/conferences/the-causes-and-consequences-of-depopulation>).

и темпы экономического роста, необходимые, чтобы преодолеть отставание от ядра ЕС [Berzins, Zvidrins 2011].

Последствия мобильности для направляющих и принимающих стран нуждаются в уточнении. Количественные оценки пока уступают место метафорам и интуитивным заключениям [Gebauer, Sommer 2024]. Для усиления впечатления мобильность сравнивают с бегством человеческого капитала и утечкой мозгов; на этой основе прогнозируют слабеющую отдачу для экономики от инвестиций в образование, нехватку рабочей силы для стратегических секторов, опустынивание сельской местности, сворачивание производств, эрозию налоговой базы и проблемы финансирования программ социального и пенсионного обеспечения; в свою очередь во всем этом усматривают причины, потенциально ведущие к радикализации настроений в странах исхода мигрантов [Kyriazi, Visconti 2023].

Исследователи используют разные методики для расчета влияния притока и оттока рабочей силы на ВВП. Так, в одном из докладов МВФ содержится вывод о том, что увеличение притока иммигрантов в страны с развитой экономикой на один процентный пункт относительно общей занятости увеличивает объем производства примерно на один процент к пятому году⁶. Согласно выводам другого эмпирического анализа МВФ, касающегося непосредственно стран Центральной и Восточной Европы, эмиграция приводит к снижению темпов экономического роста в них и замедлению конвергенции доходов в целом по ЕС; конкретно подсчитано, что рост реального ВВП мог бы быть в этих странах на 7% выше в отсутствие эмиграции в 1995–2012 гг.⁷

О том, что депопуляция отрицательно оказывается на оборонном потенциале стран, снижает численность вооруженных сил, приводит к закрытию оборонных предприятий, ясно и однозначно было указано в исследованиях прошлого десятилетия [Coleman, Rowthorn 2011]. Теперь же некоторые аналитики предполагают, что сокращение населения не обязательно формирует пессимистичный прогноз падения ВВП и социального благополучия [Lianos, Pseiridis, Tsounis 2023]. Однако для обоснования оптимистичного сценария они избирают конъюнктурные показатели, такие как влияние на окружающую среду и цифровые трансформации в экономике. При всей важности этих доводов для зеленого и цифрового переходов ЕС, пока рано пренебрегать классическими представлениями о признаках стратегической устойчивости государств – сильный производственный сектор и обороноспособность.

В целом же, депопуляция выступает серьезным признаком утраты стратегической устойчивости. Для стран, где наблюдается убыль населения, характерен снижающийся спрос на товары и услуги, соответственно, эти страны непривлекательны для инвесторов и предпринимателей. Происходит сокращение капитальных вложений с последующим сокращением налогооблагаемой базы и ростом дефицита государственных расходов на обслуживание объектов социальной инфраструктуры. Лишь теоретически сокращение численности населения может быть компенсировано повышением производительности труда. Вряд ли это возможно практически в случае стран, из которых уезжают самые активные граждане; вряд ли можно рассчитывать на то, что оставшееся население спо-

⁶ Engler P., MacDonald M., Piazza R., Sher G (2020) Migration to advanced economies can raise growth. June 19. (<https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2020/06/19/blog-weo-chapter4-migration-to-advanced-economies-can-raise-growth>).

⁷ Atoyan R.V., Christiansen L.E., Dozily A., Ebeke C.H., Ilahi N., Ilyina A., Zakharova D.V. (2016) Emigration and its Economic Impact on Eastern Europe. IMF Staff Discussion Note 16/07, International Monetary Fund. P. 22. (<https://doi.org/10.5089/9781475576368.006>).

собно показать значительный прирост показателей производительности. Изменения в возрастной структуре населения, выраженные в сокращении доли детей и трудоспособного населения по сравнению с пенсионерами, находят отражение в нарастающей демографической нагрузке на оставшееся трудоспособное население.

Что касается последствий для принимающих государств, то обосновано как положительное, так и отрицательное воздействие мобильности. Бонусы разлагаются на так называемые первый и второй демографические дивиденды. Первый – прямой, возникает из увеличения доли экономически активных людей в экономике. Второй – косвенный, происходит из более высоких сбережений и инвестиций в человеческий и физический капитал. Расчеты показали, что увеличение доли населения трудоспособного возраста на 1% вызывает увеличение роста ВВП на душу населения на 1,6% [Cruz, Ahmed 2018].

Обзорное исследование, богатая библиография которого включает 102 наименования источников и литературы, затронула тему выгод для стран-доноров людских ресурсов в виде получения ими денежных переводов, которые частично идут на поддержание членов семей, частично становятся прямыми и портфельными инвестициями в экономику. Его авторы приходят к выводу, что мобильность людей следует оберегать, потому что для мигрантов она служит спасательным кругом [Tagliacozzo, Guadagno, Ayeb-Karlsson 2022].

Динамика депопуляции

За 20-летний период с января 2004 г. по январь 2024 г. по данным Евростата общая численность населения ЕС увеличилась на 3,8% с 432,9 млн до 449,2 млн человек. Наибольший относительный прирост был зафиксирован в Люксембурге (48%), Ирландии (33%), на Мальте (41%) и Кипре (29%). В девяти странах ЕС (все они относятся к категории догоняющих стран) произошло сокращение численности населения: наибольшее относительное снижение наблюдалось в Латвии (-18%), Болгарии (-17%), Литве (-15%), Румынии (-12%), Хорватии (-10%).

Расчеты изменений на более длительном 35-летнем отрезке с 1989 г. вплоть до 1 января 2024 г. для 13 стран, вступивших в ЕС в 2004, 2007 и 2013 гг., представлены в таблице 1 и на рисунке 1. В течение этого периода 11 стран выступили донорами трудовых ресурсов для благополучных стран ЕС. Исключение составили только Кипр и Мальта. Как видно, для основных доноров трудовых ресурсов характерна хроническая депопуляция.

Самые негативные показатели депопуляции относятся к Балтии, учитывая низкую численность и плотность населения. В Латвии за 35 лет население сократилось на 30%. Литву можно также причислить к странам с катастрофической депопуляцией. Хотя статистика последней пятилетки свидетельствует о сломе тенденции (также слом тенденции зафиксирован в Эстонии), удастся ли закрепить рост, непонятно, так как он во многом вызван привходящими обстоятельствами (закрытие границ в период пандемии, а также приток мигрантов и беженцев с Украины и Ближнего Востока). Пока сложно оценить, насколько мощны цифровые трансформации и потенциал расширения удаленной занятости, для того чтобы быть способными вывести больше трудоспособного населения из категории мигрантов, увеличить трансграничную занятость, обратить вспять траектории сокращения численности населения. Убыль населения составила в Литве и Эстонии с учетом небольшой позитивной поправки в последние годы, соответственно, 21% и 12%.

Ситуация в странах Балтии не уникальна. В Болгарии – практически аналогичное Латвии снижение в 28%. В Хорватии и Румынии, где также происходит катастрофическая депопуляция, сокращение численности населения было лишь чуть меньшим, соответственно, 19 и 18%. Убыль населения стран Центральной Европы на этом фоне на первый

взгляд не выглядит столь же активной. Однако в Венгрии депопуляция тоже существенна, если принять в расчет, что она стартует не с конца, а с начала 1980-х гг., а именно с 1981 г. убыль населения составила 11%.

Таблица 1
Динамика численности населения стран, вступивших в ЕС в 2004–2013 гг.,
в сравнении с ЕС-27, %

Table 1

The population dynamics in the countries that joined the EU in 2004–2013
in comparison with the EU-27, %

	Изменения за период				Доля в населении ЕС		
	1989–1998	1999–2008	2009–2018	2019–2024	1989	2006	2023
ЕС-27	2,6	2,6	1,1	0,7	100,0	100,0	100,0
Болгария	-7,8	-8,7	-9,5	-3,3	2,2	1,8	1,4
Венгрия	-2,9	-2,0	-3,2	-1,2	2,5	2,3	2,1
Чехия	-0,6	0,5	1,8	2,4	2,5	2,3	2,4
Кипр	20,0	13,7	8,4	6,6	0,1	0,2	0,2
Латвия	-9,2	-8,6	-10,6	-2,5	0,6	0,5	0,4
Литва	-3,1	-9,2	-11,2	2,6	0,9	0,8	0,6
Мальта	10,1	5,5	15,6	14,3	0,1	0,1	0,1
Польша	2,0	-1,4	-0,4	-3,6	9,1	8,8	8,2
Румыния	-2,5	-8,2	-4,4	-1,8	5,5	4,9	4,3
Словакия	2,3	-0,3	1,1	-0,5	1,3	1,2	1,2
Словения	-0,6	1,6	1,7	2,1	0,5	0,5	0,5
Хорватия	-4,7	-4,8	-6,9	-2,7	1,1	1,0	0,9
Эстония	-11,0	-3,0	-1,2	3,8	0,4	0,3	0,3
Итого	-1,2	-3,6	-2,4	-1,6	26,8	24,7	22,6

Примечание: данные на 1 января.

Источник: таблица рассчитана и составлена автором на основе данных Eurostat Population change /demo_gind/ 1960–2024. (https://doi.org/10.2908/DEMO_GIND).

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat Population change [demo_gind] 1960–2024. (https://doi.org/10.2908/DEMO_GIND).

Отчасти тенденции депопуляции обусловлены общим для европейских стран снижением уровня рождаемости, но гораздо более важным фактором в течение всего этого длительного периода была миграция в другие страны Европейского союза⁸. Коэффициенты чистой миграции в расчете на 1000 человек населения (отношение численности иммигрантов за вычетом численности эмигрантов, включая граждан и неграждан, к общей численности населения) в период 1989–2023 гг. по большей части отрицательные, то есть наблюдается отток населения; для сравнения показаны средние по ЕС умеренно положи-

⁸ К примеру: в 2015 г. численность населения Латвии сократилась на 17 139 чел., из которых естественная убыль составила 6499 чел., а миграционный отток – 10 640 чел.

тельные значения коэффициента. Исключением для Балтии стали лишь последние годы, а также 1999 г. для Эстонии.

Румыны составляют 25% всех внутренних мигрантов ЕС в силу значительной доли в населении ЕС и длительной истории эмиграции, за ними следуют граждане Польши (12%) и итальянцы (10%)⁹. Более 33% мигрантов трудоспособного возраста из ЕС проживают в Германии. Мигранты из Балтии не столь заметны в принимающих странах, как мигранты из южных стран. Однако значительные показатели миграционного оттока по отношению к численности населения собственной страны создают угрозу ее устойчивости. Столь же важно то, что мигранты подкармливают своим трудом не только себя, но самую развитую страну в ЕС.

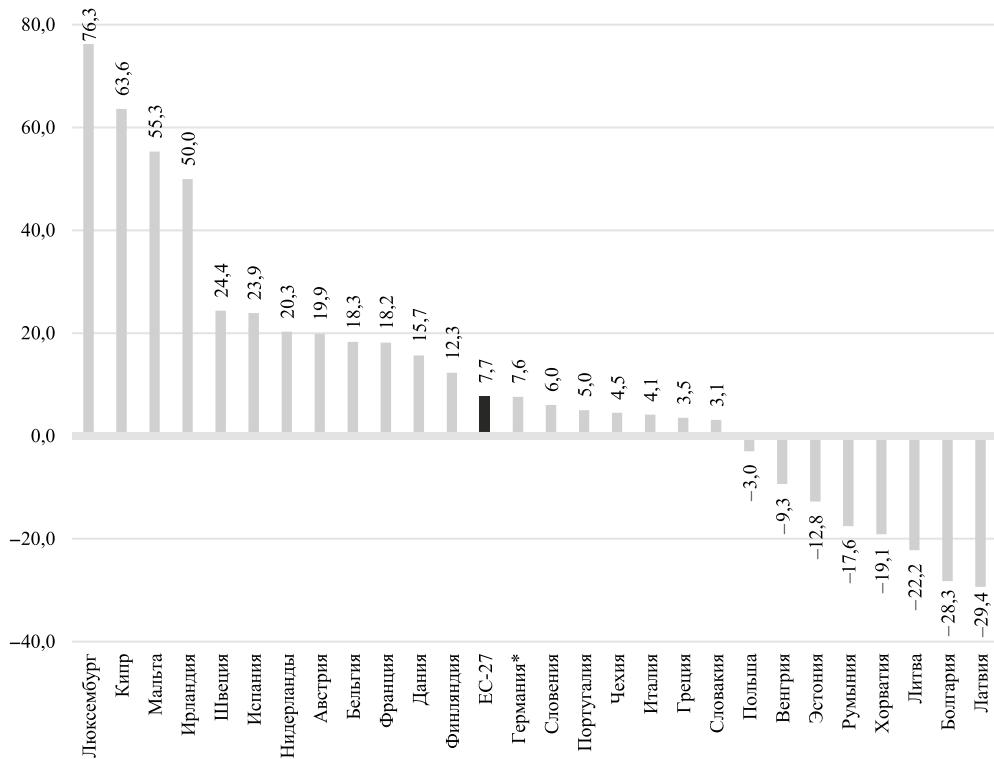

Рисунок 1. Изменение численности населения, 1989–2023, % к началу периода

Figure 1. Population changes, 1989–2023, % by the beginning of the period

Примечание: * – включая территорию бывшей ГДР.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Eurostat Population change [demo_gind] 1960–2024. (https://doi.org/10.2908/DEMO_GIND).

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat Population change [demo_gind] 1960–2024. (https://doi.org/10.2908/DEMO_GIND).

⁹ European Commission, Hassan E., Siöland L., Akbaba B., Cinova, D. et al. (2024) Annual report on intra-EU labour mobility 2023. Publications Office of the European Union (<https://data.europa.eu/doi/10.2767/59413>).

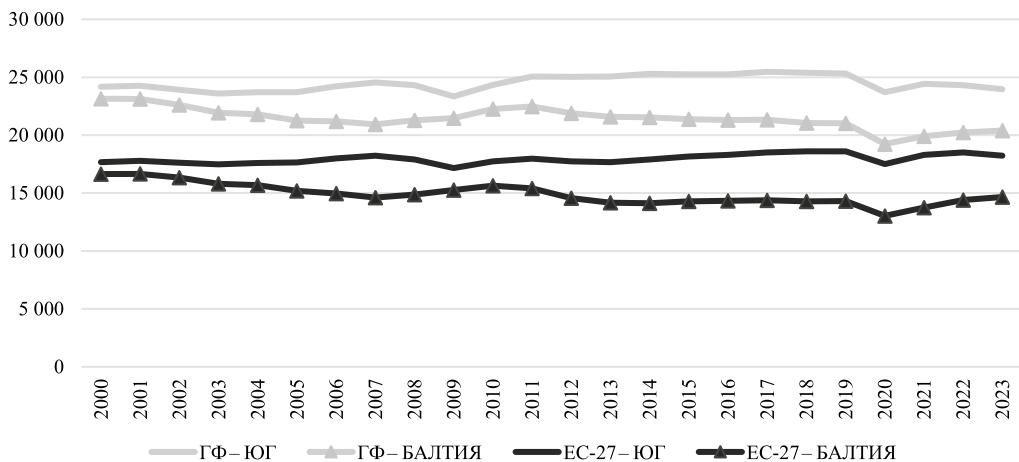

Рисунок 2. Диспропорции ВВП в расчете на душу населения в ЕС, тыс. евро

Figure 2. Disproportions of GDP per capita in the EU, thousand EUR

Примечание: представлена разница между средним уровнями ВВП в расчете на душу населения в следующих группах: ГФ (Германия, Франция); Балтия (Латвия, Литва, Эстония); Юг (Болгария, Румыния, Хорватия); ЕС-27 (все страны ЕС).

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Eurostat. Real GDP per capita [sdg_08_10]. https://doi.org/10.2908/SDG_08_10

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat. Real GDP per capita [sdg_08_10]. https://doi.org/10.2908/SDG_08_10

Включение депопуляции в систему последствий интеграции

Известно, что для догоняющих стран характерен избыток рабочей силы; интеграционная теория предлагает решение – направлять избыточный труд в благополучные страны. Европейская интеграция, согласно пафосу теории, предоставляет населению догоняющих стран шанс вырваться из уготованной им традиционной общественной роли и шанс самим догоняющим государствам прервать традиционную отсталость. Объясняма, соответственно, направленность усилий властей ЕС содействовать свободному передвижению труда и выработать нормы, умиротворяющие принимающие государства.

Однако подход оказался далек от реальности, так как не учел углубляющееся отставание направляющих государств в связи с оттоком населения и долгосрочные негативные последствия сокращения их трудового потенциала для стратегической стабильности территории.

Ошибка теоретических построений в защите свободы передвижения труда заключается еще в том, что они не были системными. Теория гласит об общем положительном «системном» результате в виде прироста акторов на рынке, активизации конкуренции (выгодной потребителям), передачи знаний, идей, культурных ценностей. Однако истинный системный взгляд на проблему мобильности предполагает учет совокупности выгод и издержек причем для всех территорий ЕС, включая благополучное ядро и догоняющую периферию. Наиболее сложным видится включение в расчет шансов и рисков. Теория же игнорировала отдельные последствия, а практика в свою очередь затушевала одни эффекты и слишком акцентировала другие, смешивала

желаемое и действительное. Соответственно, подробная практика привела к непродуманным реакциям, в том числе таким, как отказ от свободы передвижения в случае с Великобританией. Исследователи метко охарактеризовали брексит как неверный ответ на неверно поставленный вопрос¹⁰.

Затраты на поддержание устойчивости европейской интеграционной модели сегодня высоки во многих смыслах (это и социальные расходы, и расходы, связанные с ее двойным зеленым и цифровым переходом, наконец, бюрократические расходы). Однако она стала весьма затратна и с учетом необходимости перераспределительных трансфертов. Территории исхода населения впали в зависимость от этой финансовой помощи.

Финансовое перераспределение бюджета ЕС (посредством Европейского фонда регионального развития, Социального фонда, фондов развития села и сельского и рыболовного хозяйства, других финансовых инструментов) было призвано сократить отставание периферии. В таблице 2 представлены расчеты объемов трансфертов странам Балтии из бюджета ЕС относительно национального ВВП с разбивкой на периоды действия многолетних финансовых планов ЕС. Так, в плановом периоде на 2021–2027 гг. представлены расчеты за три первых года. Как видно, среднегодовые дотации практически во все периоды превышают 3% ВВП стран (2007–2013 гг. были особенно щедрыми, доходя до 4–5%), что говорит о значительной зависимости экономического роста от помощи со стороны ЕС.

Стоит заметить, что зависимость от денежных переводов мобильных работников тоже весьма ощутима. Так, в Латвии она измеряется столь же внушительными цифрами в 2–3% ВВП¹¹.

Таким образом, экономический рост Прибалтийских стран в период членства в ЕС – это иллюзия, нежели реальность, так как он зависит от различных видов помощи и трансфертов со стороны Евросоюза.

Конвергенция абсолютных показателей благосостояния стран ядра ЕС и периферии не произошла. Наш расчет, представленный на рисунке 3, это иллюстрирует. За четверть века поднялся уровень благосостояния и стран периферии, и преуспевающих стран ЕС. Соответственно, разница в уровне благосостояния ядра и периферии ЕС, практически не изменилась (линии горизонтальны). Так, Балтия не подтянулась относительно среднего уровня по двум странам-лидерам Германии и Франции, как и относительно среднего уровня по всем 27 странам ЕС. Примерно такое же стабильное отставание относительно ядра и ЕС-27 наблюдается по трем странам, представляющим догоняющий Юг (Болгария, Румыния, Хорватия).

Не уменьшая значение финансового перераспределения по линии бюджета ЕС, стоит заключить, что необходима его дополнительная коррекция в контексте депопуляции. Присматривается ли вариант исправления ситуации?

Проблема бегства населения из стран Балтии теоретически постепенно сведется к нулю по мере исчерпания трудовых ресурсов в ходе саморегуляции рынка, но с крайне негативным результатом для этих догоняющих экономик. Учитывая основополагающую цель ЕС – повысить уровень жизни, обеспечить сплочение государств-членов и сбалансированное социально-экономическое развитие территории европейской интеграции, такое решение вряд ли приемлемо.

¹⁰ Summerton P. Ending Freedom of Movement – the wrong answer to the wrong question. Cambridge Econometrics. October 10, 2018. (<https://www.camecon.com/blog/ending-freedom-movement-wrong-answer-wrong-question/>).

¹¹ Personal transfers and compensation of employees. EUROSTAT Online data code: bop_rem6 DOI:10.2908/bop_rem6 (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/bop_rem6/default/table?lang=en).

Таблица 2
Финансовая помощь странам Балтии из бюджета ЕС
Table 2
Financial assistance to the Baltic States from the EU Budget

	Эстония	Латвия	Литва
Среднегодовая помощь, 2004–2006 гг., млн евро	250,3	351,5	651,0
Среднегодовая помощь, 2007–2013 гг., млн евро	671,7	856,2	1 562,4
Среднегодовая помощь, 2014–2020 гг., млн евро	777,8	1 060,6	1 718,5
Среднегодовая помощь, 2021–2023 гг., млн евро	1 176,4	1 372,7	2 245,1
Среднегодовой ВВП, 2004–2006 гг., млн евро	11 565,4	13 635,3	21 099,4
Среднегодовой ВВП, 2007–2013 гг., млн евро	16 555,3	20 459,6	30 790,7
Среднегодовой ВВП, 2014–2020 гг., млн евро	24 378,8	26 285,0	42 913,9
Среднегодовой ВВП, 2021–2023 гг., млн евро	35 362,3	35 820,5	65 976,0
Помощь ЕС, 2004–2006 гг., в % к ВВП страны	2,2	2,6	3,1
Помощь ЕС, 2007–2013 гг., в % к ВВП страны	4,1	4,2	5,1
Помощь ЕС, 2014–2020 гг., в % к ВВП страны	3,2	4,0	4,0
Помощь ЕС, 2021–2023 гг., в % к ВВП страны	3,3	3,8	3,4

Источник: таблица рассчитана и составлена автором на основе данных раздела «*Spendig*» European Commission. EU budget spending and revenue. Data 2000–2023. (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/long-term-eu-budget/2021-2027/spending-and-revenue_en).
Source: calculated and composed by the author based on EU budget spending and revenue. Data 2000–2023. (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/long-term-eu-budget/2021-2027/spending-and-revenue_en).

Очевидно, что возможности сократить бедность, заложенные в мобильности, не позволяют рассматривать последнюю как негативное явление, которое необходимо предотвращать. Защита мобильности по-прежнему будет оправдана. Коррекция, по всей видимости, коснется целей финансовых трансфертов.

Европейский парламент обрисовал проблему в 2021 и 2022 гг. в своих обсуждениях и резолюции¹², подчеркнув необходимость признать двойственное влияние свободы передвижения лиц на демографию и искать баланс между интересами государств-членов и общими целями европейской интеграции. Тем не менее было оговорено, что четыре свободы составляют ценностную основу ЕС и главный способ обеспечить его конкурентоспособность. Радикальные меры исправления негативных последствий или сдерживания в Брюсселе не рассматриваются. Предложения должны быть сведены к тому, чтобы сохранить в силе классические инструменты регулирования, такие как фонды политики сплочения и обустройства сельской местности, которые в последнее десятилетие обеспечивают двойной зеленый и цифровой переход догоняющих территорий ЕС.

¹² Report on reversing demographic trends in EU regions using cohesion policy instruments. European Parliament. 2021. (https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0061_EN.html); Question time: Tackling depopulation through cohesion policy instruments. European Parliament. October. 2022. ([https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/733674/EPRS_ATA\(2022\)733674_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/733674/EPRS_ATA(2022)733674_EN.pdf)).

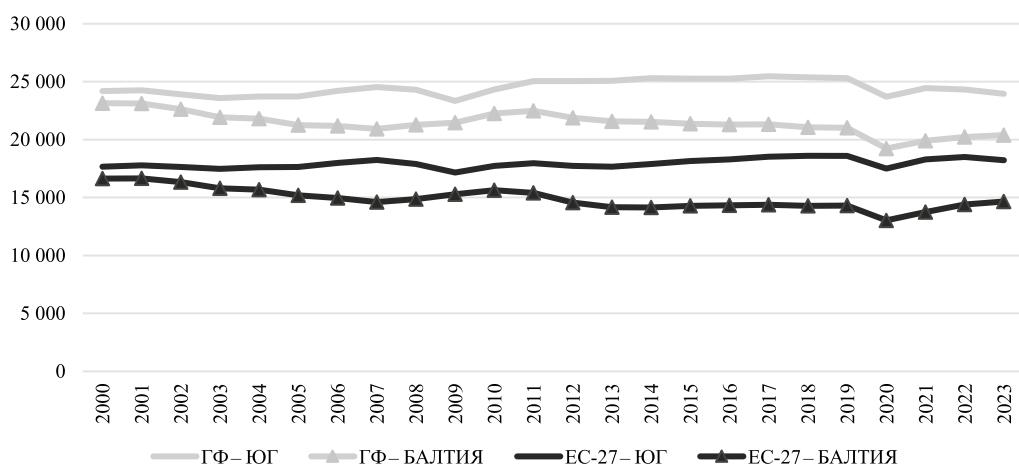

Рисунок 3. Диспропорции ВВП в расчете на душу населения в ЕС, тыс. евро

Figure 3. Disproportions of GDP per capita in the EU, thousand EUR

Примечание: представлена разница между средним уровнями ВВП в расчете на душу населения в следующих группах: ГФ (Германия, Франция); Балтия (Латвия, Литва, Эстония); ЮГ (Болгария, Румыния, Хорватия); ЕС-27 (все страны ЕС).

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Eurostat. Real GDP per capita [sdg_08_10]. https://doi.org/10.2908/SDG_08_10

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat. Real GDP per capita [sdg_08_10]. https://doi.org/10.2908/SDG_08_10

В 2022 г., в частности, Европарламент анонсировал выдвижение Еврокомиссией программы, направленной на торможение сокращения численности населения и утечки мозгов за счет развития эндогенного потенциала догоняющих стран. В январе 2023 г. появилось соответствующее официальное сообщение Еврокомиссии¹³.

В марте 2024 г. вышел отчет о политике сплочения (так в ЕС называют политику помощи догоняющим и депрессивным регионам). На его 350 страницах слово депопуляция встречается четыре раза. Демографическому переходу отведена глава, равная по значению главам о зеленых и цифровых трансформациях. Естественная убыль населения, наблюдаемая в ЕС с 2012 г., названа одной из причин замедления экономического роста. Причем откровенно сказано, что внутренней мобильности населения недостаточно, чтобы компенсировать это замедление. Тем не менее, отчет, подготовленный Еврокомиссией, также как парламентский, не заостряет внимание на проблеме депопуляции отдельных стран и не рассматривает ее негативное влияние на экономический рост. Он более сосредоточен на фактах обезлюдения сельской местности и старения населения; ситуация, характеризующая бегство талантов, представлена в отчете в виде карты без упоминания в пояснениях конкретных стран и регионов, страдающих от этой проблемы¹⁴.

¹³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Harnessing talent in Europe's regions. Strasbourg, 17.1.2023 COM(2023) 32 final. 22 p. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023DC0032>).

¹⁴ European Commission (2024). Ninth report on economic, social and territorial cohesion. Publication Office of the European Union, Luxembourg. P. 208. DOI: 10.2776/264833

Доклад Института Делора, одного из центров исследований европейской интеграции, выполненный под руководством Э. Летты¹⁵, призвал пересмотреть логику передвижений людей, упрекнув ЕС в том, что граждане догоняющих стран по-прежнему вынуждены покидать родные места, чтобы преуспеть. Свободное передвижение, как указано – это ценный актив, но его использование должно базироваться на свободном, а не вынужденном выборе. В докладе просматривается намек на неадекватный учет проблем догоняющих регионов, который сегодня не позволяет институтами ЕС обрести моральное право на дальнейшее управление и допускает пессимистические настроения и радикализацию догоняющих стран. Соответственно, для ЕС было бы важно разработать конкретные программы, поощряющие обратный отток мобильных граждан ЕС в страны их происхождения. Согласно данным Доклада Летты, 82 региона в 16 государствах-членах (представляющих почти 30% населения ЕС) страдают от исхода населения трудоспособного возраста. Признано, что членство в ЕС наносит ущерб этим регионам, загнав их в ловушку депопуляции; в свою очередь они наносят ответный ущерб ЕС, оттягивая на себя значительную часть его ресурсов развития в виде помощи на преодоление отсталости. Внутренний дисбаланс на рынке труда, ставший драйвером мобильности, в отдельных странах усиливает структурный и макроэкономический дисбаланс, и его следует рассматривать как угрозу европейской интеграции. Рекомендовано включить вопрос о возрождении территорий с хронической депопуляцией в так называемые программы Европейского семестра (в ежегодный цикл координации экономической политики и выработки необходимых рекомендаций государствам-членам). Решения предложено искать в других сферах компетенции ЕС, таких как перераспределение капиталов, и мерах, предпринимаемых в рамках цифровой и зеленой трансформации. Важно то, что ЕС тем самым подступается к многогранной проблематике демографического перехода. И это будет третьим (равным по значению цифровому и зеленому переходам) комплексом мер, направленным на повышение экономической и политической устойчивости ЕС. Страны Балтии могут стать полигоном для обкатки политических инноваций демографического перехода. В 2027 г. подойдет к концу текущий программный период перераспределения бюджета ЕС; предстоят чрезвычайно сложные дебаты о том, как его эффективнее перераспределять в будущем.

Выводы

Свободу передвижения принято считать крупным успехом европейской интеграции. Однако проблема депопуляции догоняющих стран Европы создала серьезное испытание для концепции безбарьерного передвижения.

Основная причина депопуляции – миграция в страны ядра ЕС, затмевающая показатели естественной убыли населения. Наше особое внимание было обращено на страны Балтии, долгосрочную траекторию депопуляции которых можно назвать катастрофической (в Латвии около 30% за 35 лет), ведущую к обездылению. Однако ситуация в этих странах не уникальна, а весьма схожа с другими некогда густонаселенными догоняющими странами – Румынией (каждый четвертый европейский внутренний мигрант), Болгарией, Хорватией.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что официальный Брюссель близок к обозначению широкой концептуальной рамки демографического перехода

¹⁵ Letta E. (2024) Much more than a market – Speed, Security, Solidarity Empowering the Single Market to deliver a sustainable future and prosperity for all EU Citizens. 147 p. (<https://www.consilium.europa.eu/media/ny3j24sm/much-more-than-a-market-report-by-enrico-letta.pdf>).

ЕС, а также к некоей коррекции в логике единства внутреннего рынка. Посылы идеологов на заре развития европейской интеграции базировались на ложном предположении об избыточности трудовых ресурсов в догоняющих странах. Этот избыток кажущийся; он возник в относительно менее развитых странах из-за отсутствия достаточного предложения капитала и вакансий на местах. Неверной можно также назвать деятельность ЕС по обеспечению движения труда в сторону капитала, если она не сопровождается созданием адекватного встречного потока капитала к труду. Пока наднациональные власти не стремятся сбалансировать два потока, невозможна и искомая цель сглаживания территориальных социально-экономических диспропорций. Соответственно, депопуляция – это прошлое, настоящее и наиболее вероятное будущее догоняющих государств в Европейском союзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Оленченко В.А. (2021) Страны Прибалтики в Евросоюзе: основные характеристики членства и антироссийская ориентация // Общественные науки и современность. № 4. С. 64–76.
<https://doi.org/10.31857/S086904990016456-3>
- Olenchenko V. (2021) Baltic States in the European Union: Main Characteristics of Membership and Anti-Russian Orientation. *Obshchestvennye nauki i sovremenność*, no. 4, pp. 64–76.
<https://doi.org/10.31857/S086904990016456-3> (In Russ.)
- Пророкович Д. (2023) Депопуляция Балкан: как опустошается периферия ЕС // Современная Европа. № 6. С. 71–80. <https://doi.org/10.31857/S0201708323060074>
- Proroković D. (2023) Depopulation of the Balkans: how the EU Periphery is Hollowing Out. *Sovremennaya Evropa*, no 6, pp. 71–80. <https://doi.org/10.31857/S0201708323060074> (In Russ.)
- Berzins A., Zvidrīns P. (2011) Depopulation in the Baltic States. *Lithuanian Journal of Statistics*, vol. 50, no 1, pp. 39–48.
- Coleman D., Rowthorn R. (2011) Who's afraid of population decline? A critical examination of its consequences. *Population and Development Review*, no 37, pp. 217–248.
<https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00385.x>
- Cruz M., Ahmed S.A. (2018) On the impact of demographic change on economic growth and poverty. *World Development*, vol. 105, pp. 95–106. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.018>
- Dijk van J., Brunow S., Dall Schmidt T. (2022). The long-term consequences of brain drain related to depopulation on social and territorial cohesion with a focus on the North of the Netherlands and a short comparison with Germany and Denmark: Research Report Department of Economic Geography. RUG Faculty of Spatial Sciences. 133 p. https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/250905234/Braindrain_paper_DG_REGIO_Jouke_van_Dijk_October_2022.pdf
- Fihel A., Okolski M. (2019) Population decline in the post-communist countries of the European Union. *Population & Societies*, no 567(6), 1–4. <https://shs.cairn.info/journal-population-and-societies-2019-6-page-1?lang=en>
- Gebauer C. Sommer R. (2024) Beyond Vicarious Storytelling: How Level Telling Fields Could Help Create a Fair Narrative on Migration [version 2; peer review: 2 approved] Open Research Europe, 3:10. <https://doi.org/10.12688/openreseurope.15434.2>
- González-Leonardo M., Newsham N., Rowe F. (2023) Understanding population decline trajectories in Spain using sequence analysis. *Geographical Analysis*, no 55, pp. 495–516.
<https://doi.org/10.1111/gean.12357>
- Kyriazi A., Visconti F. (2023) Free Movement and Welfare in the European Union: The Social Consequences of the Right to Exit. *International Migration Review*, 0(0). <https://doi.org/10.1177/01979183231185096>

Lianos T.P., Pseiridis A., Tsounis N. (2023) Declining population and GDP growth. *Humanit Soc Sci Commun* 10, 725 <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02223-7>

Newsham N., Rowe F. (2023) Understanding trajectories of population decline across rural and urban Europe: A sequence analysis. *Population, Space and Place*, vol. 29, issue 3, e2630.
<https://doi.org/10.1002/psp.2630>

Schmidt S. K., Blauberger M., Martinsen D. S. (2018). Free movement and equal treatment in an unequal union. *Journal of European Public Policy*, no. 25 (10), pp. 1391–1402.
<https://doi.org/10.1080/13501763.2018.1488887>

Tagliacozzo S., Guadagno L., Ayeb-Karlsson S. (2022) How do population movements fit within the framework of systemic risk? *Progress in disaster science*, vol. 16, 100256.
<https://doi.org/10.1016/j.pdisas.2022.100256>

Информация об авторе

Кондратьева Наталья Борисовна, кандидат экономических наук, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции, руководитель Центра экономической интеграции Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3. E-mail: nkondratieva@inbox.ru

About the author

Natalia B. Kondratieva, Candidate of Sciences (Economics), Scientific Secretary, Leading Research Fellow, Department of European integration studies, Head of Centre for Economic Integration Studies, Institute of Europe RAS. Address: 125009, 11/3 Mokhovaya st., Moscow, Russia. E-mail: nkondratieva@inbox.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 05.11.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.11.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.12.2024